

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ “МЯГКОЙ СИЛЫ” КАК ИНСТРУМЕНТА ДИСКУРСИВНОГО ВЛИЯНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.А. Романов, Л.А. Романова

Пристальное внимание к термину «мягкая сила» и его широкое внедрение в научное дискурсивное пространство глобальных сетевых коммуникаций обуславливает необходимость выяснения содержательной наполненности и специфики функционального проявления данного феномена в различных сферах жизненного пространства человека. Особое внимание уделяется доверию и дискурсу, выступающим в тех или иных разновидностях в качестве вербальных компонентов комплексной функциональной модели воздействия «мягкой силой» для бенефициарного предпочтения «персонифицированного образа» в конкурирующей среде геополитического пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сетевые коммуникации, «мягкая / жесткая сила», инструмент воздействия, консциентальная сфера, репутационный капитал

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Вербальный компонент “мягкой силы” как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 2. С. 1–40. Режим доступа: www.tverlingua.ru

“SOFT POWER” VERBAL COMPONENT AS THE INSTRUMENT OF DISCURSIVE INFLUENCE IN GEOPOLITICAL SPACE

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

Close attention to the term “soft-power” and its wide introduction in scientific discursive space of global web communications call for an ascertainment of the content’s extent and require specifics of the functional manifestation of this phenomenon in different living activities of a person. The emphasis is put on trust and discourse that acts in certain varieties as verbal components of the complex functional model of the "soft-power" impact for beneficial preferences of the "personified image" in the competing environment of the geopolitical space.

KEY WORDS: web communications, “soft/hard power”, an instrument of influence, reputation capital, sphere of conscience

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A. A. Romanova L.A. “Soft power” verbal component as the instrument of discursive influence in geopolitical space // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2018. № 2. P. 1–40. Access mode: www.tverlingua.ru

*Средства массовой информации
не менее опасны, чем
средства массового уничтожения.*

П. Капица

*В современном мире нет недостатка
в информации, но есть недостаток
внимания, а оно зависит от доверия.*

Дж. Най

*Язык их – убийственная стрела,
говорит коварно*

Иеремия, 9: 8

В последние 20 - 25 лет в мире глобальных коммуникаций широкую известность получило явление, обозначаемое устойчивым словосочетанием «*мягкая сила*», которое стало предметом активного обсуждения и пристального изучения не только целого ряда отдельных научных направлений, например, в военном искусстве, журналистике, имиджелогии, истории, культурологии, лингвистике, педагогике, пиарологии, политологии, психологии, семиотике, социологии, философии, юриспруденции, но и в интегративно перекрещивающихся между собой разных отраслей гуманитарного знания, а именно: *политологии и истории* (Василенко, 2014; Гревцова, 2012; Лебедева, Харкевич, 2014; Зубкова, 2016; Харитоновна, 2015), *семиотики и лингвистики* (Гронская, 2005; Голобородько, 2015а; Романов, Романова, 2017; Montague, web), *семиотики и политологии* (Зевелев, Троицкий 2006; 2007; Королев, Владимирова, Трунина, 2014; Леонова, 2015; Kurlantzick, 2008), *философии и военного искусства* (Алексеев, Алексеева, 2016; Кокошин, 2014; 2016; Меськов, Сабанина, 2017; Grey, web), *государственного управления и лингвокультурологии* (Голобородько, 2015; Селиверстова, 2017; Якоба, Тимофеев 2016; Ярмач, 2014), *политологии и педагогики* (Лебедева, Фор, 2009; Торкунов, 2012; Меринов, web; Филимонов, 2010; Фоминых, 2008), *дипломатии и геополитики* (Бураев, Гармаханов, 2014; Давыдов, 2004; Кондратов, 2011; Косачев, 2016; Костырев, 2013; Михалев, 2013; Юдин, 2015; Fan, 2008), *языковой политики*

и социологии (Загорулько, 2010; Завьялова, web; Клипка, web; Якоба, web; Mattern, 2005) и т.п.

Особую актуальность феномен «мягкой силы» (“Soft Power”, также: МС) приобрел в сфере активного презентирования, продвижения и раскрутки в глобальном пространстве геостратегического противостояния и борьбы за «бенефициарный или репутационный капитал» конкурирующего оппонента (континента, страны, региона, корпорации, фирмы), охватывающий не только его экономические – природные, производственные, финансовые, коммуникативно-медийные и – человеческие ресурсы (см.: Романов, 2016a; 2017; 2017a; Романов, Романова, 2015; 2015a; 2017; 2017a; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2017), но также и свой, в терминологии Пьера Бурдьё (2001: 226; 230-237), «символический капитал» культурного наследия, определяемый им как «неузнанный в качестве капитала целостный комплекс неразличимых символических и материальных составляющих». Такой капитал, по мнению Бурдьё, включает в себя «сеть солидных» союзников», «демонстрацию – всегда весьма дорогостоящую в экономическом плане – материальной и символической силы, способную приносить материальные выгоды», коллективную «память, накопленную в ходе смены многих поколений», «неразрывную связь между экономическим и символическим капиталом», «абсолютную взаимную конвертируемость (двойной полуоборот) материального капитала в символический и наоборот» (там же, с. 230-237), а также общественные цели, общественные представления, ценности и формы поведения, культурные символы и духовную сферу социума.

Если исходить из указанной П. Бурдьё «конвертируемости (т.е. «двойного полуоборота») экономического и символического капиталов», то суть современных глобализационных процессов в мире (т.е. суть глобализации) можно свести к интенсивно-агрессивному доминирующему проникновению финансового мышления во все сферы жизни национальных государств, результатом которого является бенефициарное,

выгодоприобретаемое переструктурирование или полное подчинение их национальных рынков, а вкупе с массивным информационным воздействием такое проникновение в перспективе может приводить к пересмотру (переформатированию) национально-культурной идентичности этих государств, сравнимому, по мнению исследователей, с последствиями (результатирующим эффектом) ведения реальных военных действий (ср.: Кокошин, 2014; 2016; Алексеев, Алексеева, 2016; Кастельс, 2016; Меськов, Сабанина, 2017; Мисонжников, 2005; Пономарева, 2015; Почепцов, 2015; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; 2001; Libicki, 1996; 2007). Не приходится сомневаться, что внимание к феномену “*мягкой силы*”, занявшем центральное положение как в политической сфере, сфере финансово-экономических отношений, так и в военном деле различных государств-участников нынешнего миропорядка, заслуживает своего осмысления и описания *как комплексного инструментария и проводника процессов ментального и политического переформатирования* в борьбе за бенефициарные ресурсы своих конкурентов.

В этой связи представляется важным акцентировать внимание на выделенной П. Бурдье (2001: 232) особенности тесной («неразрывной» и «конвертируемой») взаимосвязи экономического капитала с символическим. Бурдье пишет: «Экономический и символический капитал так неразрывно связаны между собой, что в экономике добросовестности экономическую гарантию составляет *добрая слава*; уже одна *демонстрация материальной и символической силы* в виде солидных союзников сама по себе способна приносить материальные выгоды». Далее он отмечает: «Нужно иметь в виду, что разграничение экономического и символического есть продукт неразличительного принципа и оно может восприниматься только в форме их абсолютной взаимной конвертируемости». Автор не без основания декларирует, что «символический капитал» – это «капитал доверия», который «даёт репутация» и который «имеет ценность даже на рынке». Больше того, завоевание доверия лежит, по его мнению, в плоскости

реализации соответствующих стратегий и целей: «Стратегии, целью которых является *сохранение* или *увеличение* символического капитала, *подчиняются* важным интересам» (там же, с. 232; п/ж курсив – А.Р., Л.Р.).

Обращая внимание на значимость репутационной составляющей символического капитала, важно иметь в виду, что «капитал доверия» (Бурдые, 2001) или «кодекс доверия», «репутационный капитал» (Романов, 1988: 33-34; Романов, Романова, 2017) представляют собой некую комплексную гиперсистему аттрактивных отношений между партнерами или соперниками- конкурентами, оснащенную, по утверждению Г. Рейнгольда, «системами репутаций», которые (системы репутаций) составляют и «продолжительное время составляли одну из основ человеческой жизни». И в этом контексте формирующаяся или сформированная, – пусть даже и частично на доксальной, коммуникативно-медийной, дискурсивной основе, базирующейся преимущественно на знании, полученном при помощи чувств, общего или бытующего мнения, противоположного умопостигающему знанию, – «молва держит нас в курсе дела, подсказывая, кому можно доверять, а кому – нет, чья персона значима и кто определяет эту значимость» (Рейнгольд, 2006: 17; см. также: Романов, 1995; 2002; 2004; Романов, Романова, 2015; Романов, Морозова, Романова, 2015: 96; Романов, Романова, Воеводкин, 2000; Романов, Ходырев, 1998; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997).

Другими словами, репутационную составляющую символического капитала можно сравнить – за вычетом конкретных, по А. Шютцу, «проблемно-релевантных признаков ... социально одобренной системы типизации, именуемой “образом жизни” для членов мы-группы» – с совокупностью всех «остальных элементов поля повседневного опыта», считающихся «простыми “данными” до следующего наблюдения», которые «в каждый конкретный момент, в каждой конкретной ситуации» являются «бесспорными (т.е. не подлежащими сомнению и переоценки – А.Р., Л.Р.) фактами по *отношению к различным интересам*» и «в которых нет

необходимости сомневаться», потому что «один и тот же объект или событие может оказаться релевантным и иррелевантным, типизированным и нетипизированным, типичным и атипичным по отношению как к различным проблемам, подлежащим решению, так и к различным ситуациям, в которых объект или событие возникает, т.е. по отношению к различным интересам» (п/ж курсив – наш). Подобное наблюдение А. Шютца относительно обозначенного отношения к фактам и событиям сквозь призму «различных интересов» позволяет прагматически (или манипулятивно) двояко использовать имеющуюся (приобретенную, сформированную) репутационную составляющую и «как схему интерпретации, и как схему ориентации для каждого члена мы-группы, *конституируя* для них тем самым *универсум дискурса*» (Шютц, 2003: 270-272; п/ж курсив – А.Р., Л.Р.), который с позиций критического анализа дискурсивных образований или практик способен отражать в определенных структурах и содержаниях *смысловое поле соотношения сил* между государствами-нациями на международной арене, формализацию принятых мировым сообществом и закрепленных международным правом норм и правил поведения, природу и предпосылки социальных конфликтов, информационного и конкурентного противостояния (о направлениях и специфике критических исследований дискурс-анализа см.: Ван Дейк, 2013; 2013а; Филлипс, Йоргенсен, 2004).

Становится понятным, что зафиксированная *тенденция* растущего из года в год интереса к функциональной и результативной сторонам *феномена «мягкой силы»* в различных сферах всё пронизывающего сетевого общества с его глобальным *коммуникативным пространством* как *важнейшим элементом инфраструктуры* любого социума или государства–нации (о роли и значимости коммуникации в структурировании общества см.: Ван Дейк, 2013; Кастельс, 2016; Почепцов, 2015; Рейнгольд, 2006; Романов, 2002; Романов, Романова, Воеводкин, 2000; Романов, Романова, 2017; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; 2001; Black, 1993; Libicki, 1996; 2007), *тиражирующим* в массовом сознании – независимо от их фейковой или

фактуальной природы – в планетарном масштабе типовые смыслы и их знаковые формы в виде текстовых посланий или дискурсивных практик, *не ослабевают*, а, наоборот, все интенсивнее набирает популярность благодаря

а) усилению в международных отношениях геополитического противостояния глобальных игроков в борьбе за экономические ресурсы и репутационный капитал,

б) смене и слому существовавших парадигм блокового мышления,

в) переформатированию и перестройки монополярного мироустройства и, наконец,

г) бурному развитию новых технологий социальной инженерии и использованию современных информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности человека, в частности, благодаря интенсивному росту сетевых коммуникаций и широкому внедрению в жизнь мирового сообщества разветвленных компьютерных (дигитальных) или (интернет-) коммуникаций, способствующих глубокому погружению пользователей в киберпространство и оказывающих интенсивное влияние на их концентрированную сферу с целью «насильственного», устойчивого и динамического формирования «мирового информационного порядка» (Гидденс, 1999), способствующего выработке *нужного* характера, способов и динамики социальных связей и взаимодействий, отвечающих «интересам» запланированного и «срежиссированного» по «схемам интерпретации» и «схемам ориентации для мы-групп» сетевого планетарного масштаба, в терминологии А. Шютца.

Поэтому не приходится сомневаться в том, что сегодня значимость и влияние феномена «мягкой силы» (МС) в мире достигли, по признанию исследователей, такого уровня, когда «практически ни одно даже малозначимое событие в мировой политике не происходит без использования» фактора мягкой силы, многократно усиленной новейшими информационными и когнитивными технологиями» (Пономарева, 2015). Больше того, «в современных условиях, – отмечает Е. Пономарева, – именно

«мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную артподготовку» и «готовит плацдарм для прямого военного вмешательства», подтверждая идеи Дж. Аркиллы, М. Либицки (Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; 2001; Libicki, 1996; 2007) о появлении «нового этапа концептуального пересмотра» понимания и подходов к информационному воздействию и противостоянию в «совершенно особом – виртуальном – типе пространства – в киберпространстве» (the "internet", "internetspace" or "cyberspace"), в котором кибератака («кибервоздействие», а также: «гибридная, опосредованная инфовойна или "кибервойна"»), в терминологии Н. Эппле) как спланированная и организованная кампания информационных операций или атак, направленных против государства и его общества для «воздействия на поведение» атакованного государства и общества с целью изменить поведение такого государства-мишени как внутри самого общества или государства-нации, так и его политического поведения на мировой арене.

Причем указанная кампания «гибридных» атак должна осуществляться не за счет порождения и прямого применения жёсткой или военной силы (т.е. с позиций *кратологической концепции* воздействия), а за счет **использования выявленной уязвимости** противной стороны в лице государства-противника, государства-соперника, военного блока государств, экономического союза государств, а также отдельных корпораций и фирм. К слову сказать, подобный подход к воздействию на противоборствующую сторону-мишень на основе «выявления её уязвимости» был известен с давних времен и описан, например, в краткой метафорической форме ещё во II-ом веке н.э. Лукианом из Самосаты (Лукиан, 1991: 161-162), который рассматривал «душу человека как мишень» и предлагал эффективно осуществлять её поражение «речами-стрелами» (т.е. коммуникативно-дискурсивными практиками в современной интерпретации) в процессе постепенного и поэтапного «приручения» мишени к поражающим действиям стрелка. Ср.: «Хороший же стрелок прежде всего *основательно осматривает* мишень, не слишком ли она мягка или не слишком ли тверда для одной стрелы, – так как

есть мишени, которые нельзя пробить. Посмотрев это, он *смазывает стрелу*, но не ядом, как скифы, и не соком смоковницы, как куреты, а *постепенно проникающим сладким лекарством* и после этого *искусно* стреляет. Стрела летит с силой и **пробивает мишень** настолько, чтобы из неё не вылететь, и *выпускает большое количество лекарства*, которое, растекаясь, *проникает в душу* (Лукиан, 1991: 161-162; курсив – А.Р., Л.Р.; подробный анализ такого метафорического подхода см.: Романов, Романова, 2017б),

Джозеф Сэмюэль Най (Най, 2006; 2014; Нye, 2004; 2006; 2013), принявший идею о противостоянии сопернику в ином типе пространства и предложивший концепцию «мягкого влияния» или воздействия («soft power») на уязвимого противника-мишень, исходит из того, что «мягкая сила» (МС) – особый тип влияния или «особый тип власти», ведущий к использованию *особых средств* для «достижения запланированного успеха». Отмеченная Дж. Наем особенность влияния детерминируется уровнем современного развития имеющихся информационных преобразований («информационной революции» или информационным доминированием – "Information Dominance", "social netwars" – в терминологии Аркиллы и Ронфелдта), приводящих к «быстрому, "телетайпному" распространению, широкому охвату и глубокому проникновению в структуру общества воздействующей информации» (Романов, Романова, 2018; см. также: Романов, 2016; 2017; 2017а; Романов, Романова, 2015а; 2017; 2017а; 2017б). Потенциал влияния МС, базирующийся на новейших коммуникативных технологиях распространения и внедрения информации, направлен, главным образом, на **три основные параметра уязвимости** организационной структуры атакованного государства и общества, а именно, на **а)** его культуру в широком понимании, на **б)** политические и в том числе, традиционные культурно - исторические ценности и на **в)** легитимность правящей власти этой страны и проводимой ею курс внешней политики в глазах мирового сообщества.

В этой связи важно принять во внимание, что культурный компонент как один из отмеченных выше значимых «параметров уязвимости» для эффективного осуществления атакующего информационного воздействия рассматривается в качестве основной «причины, повышающей релевантность психо-политической структуры влияния» (Беккер, 2002: 6). Конрад Беккер отчетливо указывает, что «возрастающая информатизация общества и экономики» создает «информационное миротворчество пространства информационной войны», подчеркивая при этом «важность вопросов культурной гегемонии», которые обеспечивают, хотя и «с оттенками экстравагантности», эффективность «закулисной работы машины культурной пропаганды для психо-политической структуры влияния». Это признание Беккера хорошо коррелирует с заявлением, сделанным Кубой на мировой конференции ЮНЕСКО в Гаване в 1998 году, согласно которому культура является «оружием XXI столетия» (Беккер, 2002: 6-7; ср. также замечание П. Бурдые о важности и значимости культурного компонента в формировании объёма значения «символического капитала»). Информационное миротворчество, т.е. создаваемое и распространяемое спиндокторами и «режиссерами» в инфосфере дискурсивное пространство «вирусных» коммуникативных практик-посланий описывается, по мнению Беккера, как «чистейшая форма войны». Больше того, в процессе формирования «вирусными» дискурсивными практиками-посланиями «информационного миротворчества», которые одновременно устанавливают заданные бенефициарами «психологически - культурные параметры через подсознательные силы определения, достигаемые медиацией и интерпретацией, *должны считаться самым современным видом оружия*» (Беккер, 2002: 6-7; п/ж курсив – А.Р., Л.Р.).

Очевидно, что основной «мишенью» информационных атак является существующая к моменту интенсивного (доминирующего) медийного воздействия *уязвимая коммуникативно-информационная система* противника, захват и поражение которой открывает прямой путь к массовому

сознанию противоборствующей стороны, его преобразованию при помощи «сдвигов типовых окон дискурса» и, в конечном итоге, к практическому использованию её различных ресурсов – от репутационного капитала до имеющихся природных богатств. В этом плане существенная, вернее, определяющая роль инвазивного тарана отводится массивированному воздействию на коммуникативно - информационный компонент атакованного противника (т.е. на его коммуникативно - информационную систему) в силу того, что любое современное сообщество представляет собой организованную социосистему.

Ведущая роль коммуникативно-информационного компонента в структуре общества (государства-нации) обуславливается его опорой на реляционные свойства и «регулятивную (коммуникативно организующую и направляющую) сущность своих посланий, сообщений» в виде каузативных или причиняющих и побуждающих фреймов, ментальных конструкторов или конструкторов-паттернов (Романов, 1988; 2002; Романова, 2009), которые «не могут быть просто измерены или взвешены», но «они должны быть обозначены, вычерчены» и организованы» (Бескова и др., 2010: 266-267). Организационные свойства таких структур, относящихся к регулятивному пространству серийно повторяющихся коммуникативных посланий - паттернов, генерирует и транслирует, по А. Эйнштейну, «организующий элемент», который «становится инструментом, концепцией», т.е. «определяющим элементом “мышления”», именуемым в теории программирующего воздействия «паттерном» (цит. по: Дилтс, 1998: 52-54). Из этого следует, что, в сущности, любое информационное послание как «закодированное сообщение» есть уже «паттерн организации», который, по мнению Ф. Капра (Капра, 2003), представляет собой «конфигурацию взаимоотношений, характерных для определенной системы». И «понимание общества, его жизни с системной точки зрения начинается с понимания паттерна». А если учесть, что человек являет собой такую же организованную систему, то становится понятной реляционная значимость

культурно-организационной коммуникации как «базовости ядерной информации», в терминологии Дж. Аркилла, по отношению к структуре общества, с учетом которой выстраивается основа («базовость») его культурно-организационной коммуникации.

В этом контексте Дж. Аркилла отмечает, что если направить информационные атаки на смену «базовости» культурно-исторических и коммуникативных структур общества, то неизбежно результирующее следствие в виде «смены структурной надстройки общества» у государства-мишени. Аркилла утверждает, что все «интенсивные трансформации социосистем – от бархатных и цветных революций и их иранского прообраза в 1953 году» до военных конфликтов на Ближнем Востоке последних лет – базируются на «интенсивном воздействии» (т.е. на интервенционных информатаках) именно в это «ядро». Иначе говоря, предпринимаемые «гибридные кибератаки» направляются инициатором или бенефициаром на информационно - конституирующий компонент системы общества атакованного соперника, чтобы эту систему *расширить, трансформировать и изменить* в свою пользу. В обозримой перспективе результаты такой трансформации способны также приводить к последующему (перспективному, пошаговому) преобразованию политического и экономического компонентов атакованного общества (ср.: Романов, Романова, 2017; 2017б; Arquilla, 1994; Arquilla, Ronfeldt, 1993; 2001). В конечном итоге, комплексные преобразования в виде отмеченных целенаправленных трансформаций, являющихся результатом успешных «сдвигов окна дискурса по шкале национально-исторических ценностей, приводят к перепрограммированию, условно говоря, «человека национального», человека, ориентированного на свои культурно-исторические корни, традиции и ценности, в «человека глобального», теряющего связь с собственной национально-культурной идентификацией (Романов, Романова, 2017: 15-17).

Не вызывает сомнений, что «в эпицентре битвы» за новое определение или расширение и размывание национальной идентичности, за трансформирование различных норм в обществе и за «применение этих норм в повседневной жизни» находятся **коммуникативные механизмы** по «формированию» или по «перереформатированию человеческого сознания» (Романов, 2016; Романов, Романова, 2015а; 2017а; 2017б), которые, по мнению М. Кастельса (2016: 134-136), должны опираться на «**процесс манипуляции ментальными образами**», чтобы можно было не только отдельного адресата, но и атакованное общество в целом «*привести к принятию решений, детерминирующих этот процесс*» (п/ж курсив – А.Р., Л.Р.). При этом нужно учесть, что упомянутый манипулятивный процесс принятия атакованной стороной нужных для атакующей стороны решений лежит в плоскости многообразных и разнонаправленных интерактивно-манипулятивных технологий по смене и замене существующих в атакованном обществе смыслов путем вербально - коммуникативной или дискурсивной активации сознания, где «сознание – это процесс создания и манипулирования ментальными образами (визуальными или невизуальными) в мозгу» (Кастельс, 2016: 136), то есть в концентриальной сфере как отдельного человека, так и целого общества.

Основная задача этого процесса «манипулирования ментальными образами» сводится к тому, чтобы выработать у объекта (мишени) воздействия «надуманные потребности строить и перестраивать свои идентичности» в плане их «восприятия изнутри и как они “проживаются”» (Бауман, 2008: 96), т.е. мифологизируются (ср. в работе Романов, Черепанова, 1998 следующее положение: «миф личности – вербально “прожитая” личностью жизнь»). Иными словами, при отмеченной манипуляции воздействующей стороне необходимо ненавязчиво и имплицитно породить или вызвать у объекта воздействия ценность объёма ресурса выбора, при котором (выборе) сам «процесс выбора должен значить больше, чем то, что выбирается, и ситуации превозносятся или осуждаются,

вызывают удовольствие или неприязнь в зависимости от имеющегося диапазона выбора» (Бауман, 2008: 96). Предоставление атакующей стороной объекту как мишени воздействия возможности аттрактивного (привлекательного, заманивающего) ресурса выбора посредством направленных на него коммуникативно-дискурсивных практик означает, по З. Бауману, «свободу поиска и выбора», в котором – «что, возможно, наиболее важно – *свободу от последствий неверного выбора*» (Бауман, 2008: 98; п/ж курсив – А.Р., Л.Р.).

В этой предоставленной атакующей стороной «мягкости выбора» заложена хитрая и скрытая аттрактивность силы воздействия такого выбора. Во-первых, атакованный выбирает, не опасаясь «последствий неверного выбора» (ср. выбор политических элит в странах «цветных» революций, не задумывающихся о неизбежных последствиях неверного выбора). Во-вторых, любой предложенный атакующей стороной ресурс выбора связан в конечном итоге «с расширением возможностей», т.е. приводит к расширению функциональных и технологических возможностей разнонаправленных по «оси сдвига “окон дискурса”», в трактовке А.А. Романова (2016; 2017а; Романов, Романова, 2017а; 2017б), при котором (расширении), по словам Ива Мишо, «растет опасность деструктуризации, фрагментации и расчленения» (цит. по: Бауман, 2008: 99) целостности культурно-исторического наследия и государственного устройства атакованной стороны, погруженной в процесс выбора. В - третьих, главная опасность «мягкости» и «гибкости» (“Soft Power”) предлагаемого выбора кроется в том, что атакованная сторона полагает и исходит из того, что у неё есть ресурс выбора (т.е. набор многовариантных действий), который вроде бы как должен предоставлять «свободу поиска и выбора» атакованной стороне, однако в действительности такого выбора нет. Но даже если и предоставляется атакованной стороне малейшая возможность какого-либо самостоятельного выбора, то атакующая сторона не эксплицирует явным образом тот факт, что объём такого ресурса (т.е. количество вариантов выбора) определяет только она и что в любой

момент атакующая сторона может лишить этих ресурсов объект воздействия вводом санкций, сокращением кредитований, введением различного рода пошлин и многое другое. Ср. ситуацию с выкручиванием рук тем странам, которые пожелали приобрести новейшие российские системы ПВО, например – С-400.

Становится очевидным, что с семиотической точки зрения «мягкая сила» (или «концепция МС», по Дж. Наю) «мягка» всего лишь в плане коммуникативно-вербального выражения, в то время как её план содержания оказывается достаточно жёстким. По всей вероятности, неслучайно, что «мягкое воздействие» (“Soft Power”) в смысле «концепция, инструмент, ресурс» всё чаще трактуется в прагматическом, коммуникативно-функциональном смысле как «тихое убийство» (“Soft Kill”; ср., например: Black, 1993; Mattern, 2005). Представляется, что в этом противопоставлении, в этой контрастности плана выражения и плана содержания МС как коммуникативно - семиотического феномена кроется манипулятивный объём воздействия «мягкой силы» как комплексной разновидности прагматического, бенефициарного воздействия, мягкого по способу выражения, но жесткого в содержательном и функциональном плане.

Природа такой манипулятивной направленности на «тихое убийство» соперника формируется в определенной степени коммуникативной основой её дискурсивного (лингвистического) потенциала, который позволяет в глобальном информационном пространстве «мягко» мимикрировать в экспонентном формате, чтобы в технологическом и смыслообразующем планах *а)* «тихо убивать» сопротивление противоборствующей стороны без резких проявлений и *б)* незаметно, но эффективно и результативно осуществлять процесс «аттрактивного» притяжения и «приручения» своих оппонентов к новым формам поведения и принятию нужных для бенефициара решений. Одним словом, манипулятивную направленность МС можно свести к известному постулату макиавелизма – «душить противоборствующую сторону в крепких объятиях».

Мимикрическая направленность манипулятивного влияния МС легко обнаруживается в семантике внутренней формы кажущегося на первый взгляд оксюморонного словосочетания «мягкая сила», которая уже в самом первом приближении раскрывает связь и специфическую обусловленность содержательно - функциональной и прагматической сторон данного феномена как «комплексной функциональной суггестемы» (Романов, Черепанова, 1998: 187-193). В эту связь включается целый ряд значимых признаков (сем) двучленной структуры языкового выражения «мягкая сила», которые позволяют глубже понять и оценить коммуникативно-прагматическую и содержательную специфику рассматриваемого явления. Легко обнаружить, что эта специфика способна проявляться уже на примере некоторых признаков, отражающих функционально-содержательную особенность несочетаемых по смыслу и противоречащих единству сочленения двух частей: «мягкость / мягкая» и «сильная / сила». В частности, в словаре С.И. Ожегова (1990: 714-715) можно выделить в структуре значения слова «сила» ряд отличительных признаков, а именно: сему № 4 – «способность проявления какой-н. деятельности, состояния, отличающаяся определенной степенью напряженности, устремленности», сему №5 – «могущество, влияние, власть», сему № 7 – «действенность, правомочность», а также сему № 10 в единственном числе – «большое количество, множество», которые характеризуют «силу» как «устремленную, целенаправленную деятельность с определенной степенью напряженности влияния и могущества».

В структуре значения слова «мягкий» в том же словаре можно выделить сему № 2 – «приятный при ощущении, не раздражающий», а также сему № 4 – «кроткий, лишённый грубости, резкости, мягкодействующий», сему № 5 – «не очень строгий, снисходительный, не суровый», не жесткий» и показательную сему № 6 – «тёплый, приятный» (Ожегов, 1990: 370), которые в словосочетании «мягкая сила» придают слову «сила» «не жёсткий, а приятный, лишённый грубости и резкости» фон «мягкого, привлекательного

действия». Представляется, что именно этот фон способен придавать в коммуникативно-функциональном и технологическом плане словосочетанию «мягкая сила» «приятное (нравящееся, предпочтительное) ощущение аттрактивной, притягательной, не раздражающей и не вызывающей сопротивление и отторжение теплоты, близости и единения двух начал – по суггестивной аналогии – «мягкость» + «сила» = «атакующая сторона» + «атакованная сторона, так в действиях напряжённого целенаправленного влияния, мощи и властности», каузативно порождающих в глазах атакующей стороны как объекта воздействия *образ* целостного *комплекса* «*мягкодействующего*, терпимого, лишённого грубости и насилия *полезного* и *нужного* для самого объекта воздействия» *многовекторного приложения сил*.

Понятно, что обозначенный процесс порождения положительного образа может и должен осуществляться посредством поэтапного внедрения в информационное пространство атакующего противника согласованных (непротиворечивых) действий «многовекторного приложения сил», направленных на аттрактивное (т.е. рассчитанное в большей степени на визуально-аудиальное восприятие), мягкое, скрытое (косвенное, имплицитное) и постепенное «приручение», в терминологии А. Сент-Экзюпери, а не прямое, жёсткое и силовое давление, способное вызвать открытое, явное, вызывающее ожесточённое и открытое сопротивление. На международной арене политическое «приручение» противостоящей стороны представляет собой многомерный, осторожный, кропотливый, постепенно-поступательный и растянутый во времени процесс «поиска и приобретения друзей» (Сент-Экзюпери, 1978: 57-62) в плане заманивания противостоящей стороны, чтобы приобщить к «созданию уз» путём выработки (т.е. предоставления ресурса возможностей выбора) у этой стороны симпатии к новым, предложенным и заданным атакующей стороной «ментальным образам» своей страны (общества, государства-нации) как объекта коммуникативно - информационных кибератак. При этом важно иметь в

виду, что обозначенный процесс «приручения» к смене «ментальных образов» и принятию их в качестве «возможных», «приемлемых», «допустимых», «нормативных» и «своих» – в зависимости от конкретной ситуации, страны или общества как объекта атаки – достаточно близок к процессу реализации комплекса «моделей комфортно - психологического общения, в котором поочередно могут использоваться то *познавательная - информативная модель*, то *экспрессивная модель*, то *суггестивная или убеждающая модели*, а то и *ритуальная модель*» при одновременном контроле за успешностью (результативностью) процесса «приручения» с опорой на реализацию «схемы согласованного взаимодействия: *получил – понял – принял*» (подробнее о моделях «комфортно - психологического общения» см.: Романов, Ходырев, 2001: 38-43; Романов, 2004). Попутно отметим, что в данной статье важность и особая значимость работы с атакованной стороной в указанной триаде лишь обозначена, так как технология её описания требует отдельного рассмотрения.

Также важно учесть, что каждый «сдвиг» (этап) отмеченного процесса может осуществляться в соответствующих пределах дискурсивных рамок «возможных», «приемлемых», «допустимых» и «нормативных» ментальных образов в том или ином обществе или государстве-нации, а именно: можно получить, *но не* понять, а значит – *не* принять, или получить и понять, *но не* принять, а также возможно получить и принять, *но не* понять. Поэтому процесс о «приручения» объекта воздействия к ментальным образам требует применения своих конкретных, в том числе и спиндокторинговых, «срежиссированных», «постановочных» **коммуникативных технологий**, к разряду которых можно отнести, например, следующие:

– технология «*информационного вброса* и последующей *массированной раскрутки* его *во всех СМИ*» (главным образом, на телеканалах и ведущих печатных изданиях) с целью фокусировки «определенного окна», в «определенном значении» (ср.: у К. Пайка, 1992: 14, 19: «в одном и том же

тагмемном окне (seat), в определенном значении») в качестве *главной информационной темы*,

– технология «*квазинаучного*» *обсуждения*» (организация диспутов, семинаров, конференций, всевозможных ток-шоу),

– технология «*подмены подлинного названия вбрасываемой идеи*» с целью увести суть проблемы от её обозначения, например, вместо переворота – «революция достоинства», «революция роз» или какие-либо иные названия типа «бархатная революция», вместо запрещенных пыток – «расширенные методы дознания», а вместо «уничтожить террористов» – «нейтрализовать террористов» и т.п.,

– технология «*создание опорного прецедента*» в истории, в настоящем или в мифическом будущем», когда подбирается нечто похожее в историческом развитии общества или придумывается какой-либо исторический факт, аналогия, или просто создается «вербальный миф» личности политику, фирме, продукту, стране (Романов, 1988; 2002; 2004; 2015),

– технология «*возведения идеи в Top*»,

– технология «*экспертного мнения*»,

– технология «*мнения медийных персон и иных знаменитостей, киноактеров, кино- и телережиссеров, ведущих шоупрограмм и др.*»,

– технология «*составления всевозможных рейтингов популярности идеи / проблемы / достижений страны в спорте, образовании, технологиях, музыкальных конкурсов, теле- и кинопрограмм и т.п.*» (Романов, Романова, 2017a).

Вполне должно быть понятно, что перечисленные выше технологии не исчерпывают весь спектр их возможных наименований, так как применение коммуникативных технологий зависит от конкретных участников информационно-коммуникативного противостояния, его задач и стратегического ресурса, чтобы эффективно использовать технологический арсенал в процессе «приручения» объекта - мишени. Также понятно, что

комплекс представленных технологий использования «дискурсивных практик» в качестве инструментов достижения выбранных для информационных атак целей, сфокусированных, по М. Кастельсу, на выработке «создания и манипулирования ментальными образами», и смыслами, представляет собой разноуровневую и разнонаправленную *гипертехнологию* коммуникативного и информационно-медийного воздействия, которая включает в себя целый *комплекс* дискурсивных манипулятивных технологий неявного внедрения в массовое сознание и распространения в нём самых разнообразных идей, оценок и предложений в заданных «дискурсивными окнами» пределах – от немислимых до абсолютно неприемлемых и даже противоречивых по отношению к национальным традициям, верованию, устоям, ценностям, культуре и укладу жизни.

Сравнивая функциональный потенциал информационно-медийного воздействия выделенного комплекса технологий (комплексной гипертехнологии) с функциональным потенциалом понятия «мягкой силы» (“Soft Power”), рассматриваемой в виде «комплекса инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» (Путин, 2012), можно усмотреть близкое сходство их функциональных потенциалов в плане инструментального коммуникативно-информационного воздействия. Отмеченная близость функциональных потенциалов даёт основание рассматривать предложенную *гипертехнологию* в качестве *комплексного инструментария* (т.е. набора) различных дискурсивных практик «мягкой силы» влияния, которую может использовать атакующая (либо любая другая противоборствующая) сторона в конфронтационном соперничестве за экономический и символический капитал атакуемых объектов-мишеней.

Функциональная направленность коммуникативно-манипулятивных технологий по выработке у объекта-мишени нужного «принятия решений» раскрывает специфику дискурсивных механизмов работы с «ментальными

репрезентациями» (также: «фреймами», «представлениями», «фреймовыми конфигурациями»), ибо, как отмечает М. Кастельс (2016: 134-136), «ментальные репрезентации (представления) являются *рычагами деятельности сознания* на основе объединения эмоций, чувств и умозаключений, которые *определяют направление* нашей жизни. Нам *необходимо понимать этот механизм*, чтобы иметь возможность определить, что именно имеется в виду, когда речь идет об эмоциональной политике, или когда я говорю о намерении сделать что-либо, что, как я считаю, мне нравится делать. Эмоции, чувства и умозаключения – все они возникают в тех же нейронных процессах взаимодействия между телом и мозгом и следуют тем же правилам ассоциации и многоуровневой репрезентации, которые характеризуют динамику сознания» (курсив – А.Р., Л.Р.).

Учитывая инструментальную специфику отмеченных механизмов коммуникативно-дискурсивного воздействия на конциентальную сферу «ментальных репрезентаций», затрагивающих, по Кастельсу, эмоции, чувств и умозаключения и определяющих «направления жизни» человека, нетрудно прийти к пониманию, что «**мягкая сила**» есть – в широком смысле – **функциональная модель** использования доминирующей стороной противостояния **разностороннего** и **полифункционального коммуникативного ресурса** для бенефициарного смыслопорождения и последующего распространения, внедрения и закрепления этих смыслов в ментальном сознании атакованной стороны, чтобы трансляционно, ретрансляционно, а также «факсимильно» и «телетайпно» прививать посредством специально созданных дискурсивных практик позитивные характеристики исходного имиджа как «персонифицированного образа» страны, общества, корпорации, фирмы в качестве образца для подражания (Романов, Романова Е., 1997; Романов, Ходырев, 1998; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Черепанова, 1998; Романов, Романова Е., Воеводкин, 2000).

Итак, «мягкая сила» как комплексная функциональная модель использования коммуникативного ресурса в геополитическом пространстве, чтобы при помощи современных каналов коммуникации создавать в нем привлекательный, уникальный и высокоэффективный образ доминирующей стороны и бенефициарно распространять этот образ в геополитическом конкурентном противостоянии. Основная цель распространения такого бенефициарного влияния через привлекательный образ атакующей стороны сводится к ненавязчивому захвату этой стороной ресурсов противостоящего соперника. Особая роль в этом процессе отводится дискурсивным (вербальным) практикам, инструментально воздействующих на концентрированную сферу противоборствующей стороны, чтобы переформатировать и перекодировать её национально-историческую память и культурно-смысловой фонд.

Ссылки – References in Russian

Алексеев, Алексеева, 2016 – Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 3–14.

Бауман, 2008 – Бауман З. Текущая современность. Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Беккер, 2002 – Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Vienna: Selene, 2002. 92 с.

Бескова, Герасимова, Меркулов, 2010 – Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 366 с.

Бураев, Гармаханов, 2014 – Бураев Д.И., Гармаханов М.Ц. Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 115–121.

Бурдые, 2001 – Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Ван Дейк, 2013 – *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344с.

Ван Дейк, 2013а – *Ван Дейк Т.* О трендах в дискурсивном подавлении, европейском национализме и гуманитарной ядерной бомбе. Интервью // Масс-медиа и массовые коммуникации: Статус научных и учебных дисциплин. Первый международный научный коллоквиум. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013а. С. 8–12.

Гидденс, 1999 – *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.

Голобородько, 2015 – *Голобородько А.Ю.* Лингвокультурологическое измерение государственной культурной политики: от текста культуры к дискурсу «Мягкой силы» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2 (5). С. 202–208.

Гревцова, 2012 – *Гревцова А.Н.* Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. 2012. №3. С. 313–315.

Давыдов, 2004 – *Давыдов Ю.П.* «Понятие жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. № 4. С. 69–80.

Дилтс, 2007 – *Дилтс Р.* Стратегии гениев. Т. 2. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. С. 52–54.

Зевелев, Троицкий, 2007 – *Зевелев И.А., Троицкий М.А.* Семиотика американо-российских отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1. – С. 3–17.

Зевелев, Троицкий, 2006 – *Зевелев И.А., Троицкий М.А.* Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. Вып. 2. 72 с.

Капра, 2003 – *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание

живых систем. Киев: «София»; М.: ИД «София», 2003. 336 с.

Кастельс, 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

Кастельс, 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Пер. с англ. Н.М. Тышлевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

Кокошин, 2014 – *Кокошин А.А.* Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 3–13.

Кокошин, 2016 – *Кокошин А.А.* Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 5–19.

Кондратов, 2011 – *Кондратов А.И.* Международное поведение государств // Международные процессы. 2011. № 2. С. 93–99.

Королев, Владимирова, Трунина, 2014 – *Королев В.А., Владимирова А.В., Трунина А.А.* Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 209–228.

Косачев, 2016 – *Косачев К.И.* «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 15–20.

Лебедева, Фор, 2009 – *Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 200–205.

Лебедева, Харкевич, 2014 – *Лебедева М.М., Харкевич М.В.* «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Международные отношения. 2014. №: 2 (35). С. 10-11.

Леонова, 2015 – *Леонова О.Г.* Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015, № 2. С. 80–89.

Лукиан, 1991 – *Лукиан* Избранная проза. Пер. с древнегреч. М.: Изд-во «Правда», 1991. 720 с.

Меськов, Сабанина, 2017 – *Меськов В.С., Сабанина Н.Р.* Равна ли сила действия силе противодействия, если она мягкая? // Вопросы философии. – 2017, № 10. – С. 47–53.

Мисонжников, 2005 – *Мисонжников Б.Я.* Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. – СПб.: «Янус», 2005. – С. 240 – 254.

Михалев, 2013 – *Михалев А.В.* Монголия в большой игре: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. – Улан-Уде: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – 252 с.

Най, 2006 – *Най Дж.С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. М.: ФСПИ Тренды, 2006. 221 с.

Най, 2014 – *Най Дж.С.* Будущее власти. – М.: АСТ, 2014. 448 с.

Ожегов, 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

Пайк, 1992 – *Пайк К.* Американская интонация: парадигматика и синтагматика // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 8–24.

Почепцов, 2015 – *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 300 с.

Пономарева, 2015 – *Пономарева Е.* Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Однако. 2015. Режим доступа: <http://www.trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071>.

Путин, 2012 – *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. № 5719 (45).

Рейнгольд, 2006 – *Рейнгольд Г.* Умная толпа. Пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилиа, 1995. 240 с.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2002. 191 с.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // *Номо mendax: Человек лживый.* Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. М. Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2004. С. 3–26.

Романов, 2011 – *Романов А.А.* Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал.* 2011, № 2 (23). С. 1–14. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал.* 2016, № 4. С. 1–35. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, 2016а – *Романов А.А.* Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // *Межкультурная коммуникация: теория и практика.* Сб. научн. трудов XVI Международной научно-практическ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2016а. С. 221–227.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества // *Мир лингвистики и*

коммуникации: электронный научный журнал. 2017, № 1 (47). С. 1–20.

Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, 2017а – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2017а. С. 205–214.

Романов, Романова, 1997 – *Романов А.А., Романова Е.Г.* Офис-менеджер: Управленческая компетенция, культура и имидж. Тверь: Изд-во ГЕРС; Тверская ГСХА, 1997. 145 с.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 1–31. Режим доступа: [http://www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015а. № 3. С. 1–16. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского и др. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 134–144.

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017а. № 2. С. 1–32. Режим доступа: [http://www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья первая: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017б. № 3 (49). С. 1–39. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Презентационный акт Selfie в коммуникативном пространстве социальных сетей // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 1 (51). С. 1–39. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 1–31. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, Морозова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4 (50). С. 1–55. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, Воеводкин, 2000 – *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в лингвистике: Язык власти и власть языка. М.: Лилия ЛТД, 2000. 112 с.

Романов, Ходырев, 2001 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая имиджелогия. Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1998. 244 с.

Романов, Ходырев, 2001 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая риторика. М.: Лилия; Тверская ГСХА, 2001. 216 с.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1998. 205 с.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А.* Тайны рекламы. Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1997. 290 с.

Романова – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2009. 180 с.

Селиверстова, 2017 – *Селиверстова О.А.* Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI века (на материале российских, американских и китайских СМИ). Дисс. ... канд. филол. н. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2017. 221 с.

Сент-Экзюпери, 1978 – *Сент-Экзюпери А.* Маленький принц. Пер. с фр. Н. Галь. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. 80 с.

Торкунов, 2012 – *Торкунов А.В.* Образование как «мягкая сила» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93.

Филимонов, 2010 – *Филимонов Г.Ю.* Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.

Филлипс, Йоргенсен, 2004 – *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

Фоминых, 2008 – *Фоминых А.* «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. Цикл расхождений в мировой системе. Том 6. 2008. № 1(16). С. 76–85.

Харитоновна, 2015 – *Харитоновна Е.М.* Эффективность «мягкой силы»: проблемы оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 49–58.

Шкуратова, 2009 – *Шкуратова И.П.* Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д: Изд-во Южно-федерального ун-та, 2009. 192 с.

Шютц, 2003 – *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки феноменологической социологии. Пер. с англ. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

Эппле – *Эппле Н.* Россия в виртуальной войне [Электронный ресурс]// www.vedomosti.ru/opinion/news/26265671/virtualnaya-vojna

Юдин, 2015 – *Юдин Н.В.* Системное прочтение феномена мягкой силы // *Международные процессы.* Том 13. 2015. № 2. С. 96–105.

Якоба – *Якоба И.А.* «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17jazykoznanie/537911-1-2014-yakoba-myagkaya-sila-sovremennoy-politike-diskursivnoy-tehnologii-yakoba-irina-aleksandrovn-kandidat-sociol.php>.

Якоба, Тимофеев, 2016 – *Якоба И.А., Тимофеев С.С.* Лингвокогнитивные механизмы умной настройки дискурса: смыслоритмическое моделирование // *Сибирский филологический журнал.* 2016. № 1. С. 126–136.

Ярмак, 2014 – *Ярмак Ю.В.* «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса // *Дискурс-Пи.* Т. 11. 2014, № 4. С. 69–75.

References

Alekseev, AP, Alekseeva, I.Yu. (2016) Information war in the information society // *Issues of Philosophy*, No. 11, pp. 3–14 (in Russian).

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (1993) Cyberwar is Coming! // *Comparative Strategy*, no. 12 (April-June), pp. 141–165.

Arquilla, J. (1994) The Strategic Implications of Information Dominance // *Strategic Review* 22, no. 3 (Summer), pp. 24–30.

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (2001) Emergence and influence of the Zapatista social network // Ronfeldt D., Arquilla J. (Eds.) *Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy*, Santa Monica, CA, RAND, pp. 171–199.

Bauman, Z. (2008) *Flowing modernity, Trans. from the English*, Ed. Yu.V. Asochakova, St. Petersburg, Peter, 240 p. (in Russian).

Becker, K. (2002) *Dictionary of tactical reality. Cultural Intelligence and Social Control*, Vienna, Selene, 92 p. (in English).

Beskova, IA, Gerasimova, IA, Merkulov, I.P. (2010) *The Phenomenon of Consciousness*, M, Progress-Tradition, 366 p. (in Russian).

Black, P. (1993) *Soft Kill: Fighting Infrastructure Wars in the 21st Century* // *Wired* (July-August), pp. 49–50.

Buraev, DI, Garmakhanov M.T. (2014) Korean wave and soft power. Strategy of development and dissemination // *Bulletin of the Buryat State University*, No. 8, P. 115–121 (in Russian).

Bourdieu, P. (2001) *Practical meaning*. St. Petersburg: Aleteya, 562 p. (in Russian).

Davydov, Yu.P. (2004) "The notion of rigid" and "soft" force in the theory of international relations // *International processes*, No. 4, pp. 69–80 (in Russian).

Dilts, R. (1998) *Strategies of geniuses. T. 2. Albert Einstein / Trans. with English*. M.: Independent firm "Klass", pp. 52-54 (in Russian).

Capra, F. (2003) *Web of Life. New scientific understanding of living systems*, Kiev, "Sofia"; M., Publishing House "Sofia", 336 p. (in Russian).

Castells, M. (2000) *Information Age: Economics, Society and Culture, Trans. with English*. Ed. O. Shkaratana, M., SU-HSE, 608 p. (in Russian).

Castells, M. (2004) *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society / Trans. with English*. A. Matveeva; Ed. V. Kharitonova, Yekaterinburg, U-Faktoriya, 328 p. (in Russian).

Castells, M. (2016) *The power of communication. Trans. with English*. N.M. Tyshlevich; under the scientific. Ed. A.I. Black. M., ed. house of the Higher School of Economics, 564 p. (in Russian).

Epple, N. *Russia in a virtual war* [Electronic resource] // www.vedomosti.ru/opinion/news/26265671/virtualnaya-vojna (in Russian).

Fan, Y. (2008) Soft power: power of attraction or confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 4, №. 2, pp. 147–158.

Filimonov, G.Yu. (2010) *The soft power of US cultural diplomacy*, M., RUDN, 212 p. (in Russian).

Fominykh, A. (2004) "Soft power" of exchange programs // *International processes. The cycle of discrepancies in the world system*, Volume 6. 2008. No. 1 (16), pp. 76-85 (in Russian).

Giddens, E. (1999) *Sociology*, M., Editorial URSS, 704 p. (in Russian).

Goloborodko, A.Yu. (2015) Linguistic and cultural dimension of the state cultural policy: from the text of culture to the discourse of "Soft power" // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. No. 2 (5), pp. 202–208 (in Russian).

Grey Colin, S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century* // https://achive.org/details/HardPowerAndSoftPowerTheUtilityOfMilitaryForceAsAnInstrumentOf_842

Jakob, I.A. "Soft power" in modern politics and discursive technology [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17jazykoznanie/537911-1-2014-yakoba-myagkaya-sila-sovremennoy-politike-diskursivnoy-tehnologii-yakoba-irina-aleksandrovna-kandidat-sociol.php> (in Russian).

Kharitonova, E.M. (2015) Efficiency of "soft power": problems of assessment // *World Economy and International Relations*, № 6, pp. 49–58 (in Russian).

Grevtsova, A.N. (2012) *The soft power of China as a way to expand its sex* (in Russian).

Kokoshin, A.A. (2014) Interaction of Politics and Military Strategy: Theoretical and Applied Questions // *Issues of Philosophy*, No. 10, pp. 3–13 (in Russian).

Kokoshin, A.A. (2016) Several dimensions of the war // *Questions of Philosophy*, No. 8, pp. 5–19. (in Russian).

Kondratov, A.I. (2011) International Behavior of States // *International Processes*, No. 2, pp. 93–99 (in Russian).

Korolev, VA, Vladimirova, AV, Trunina, AA (2014) Country branding and its reflection in global ratings of "soft power" // *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, Vol. 9, No. 2, pp. 209–228 (in Russian).

Kosachev, K.I. (2016) "Soft Power" with Severe Consequences // *Russian Journal of Legal Studies*, No. 1 (6), pp. 15–20 (in Russian).

Kurlantzick, J. (2008) *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World (A New Republic Book)*, Yale University Press, 320 p.

Lebedeva, MM, For, Zh. (2009) Higher Education as a Potential of the "Soft Power" of Russia // *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*, No. 6, pp. 200–205 (in Russian).

Lebedeva, MM, Kharkevich, MV (2014) "Soft power" of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space // *International Relations*, №: 2 (35), pp. 10–11 (in Russian).

Leonova, O.G. (2015) Interpretation of the concept of "soft power" in science // *Scientific and analytical magazine Observer - Observer*, № 2, pp. 80–89 (in Russian).

Libicki, M. (1996) *What is information warfare?* – Washington, D.C., National Defense Univ., /www.iwar.org.uk/iwar/resources/ndu/infowar/a003ch01.html

Libicki, M. (2007) *Conquest in cyberspace. National security and information warfare*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 232 p.

Lucian, (1991) *Selected Prose, Trans. with the ancient Greek*. M., Pravda Publishing House, 720 p. (in Russian).

Mattern, J.B. (2005) Why Soft Power Is Not So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*, Vol. 33, № 3, pp. 583–612.

Meskov, VS, Sabanina, N.R. (2017) Is the force of action equal to the force of opposition, if it is soft? // *Issues of Philosophy*, No. 10, pp. 47–53. (in Russian).

Misonzhnikov, B.Ya. (2005) Massmedia as the subject of global catastrophic consciousness formation // *Globalism in the system of categories of contemporary cultural thought*, St. Petersburg: Janus, pp. 240–254 (in Russian).

Mikhalev, A.V. (2013) *Mongolia in the big game: struggle for influence and informal institutions of soft power*, Ulan-Ude, Buryat Publishing House. state. University, 252 p. (in Russian).

Montague, Z. *The Chinese Language as a Soft Power Tool* // Kennedy School Review Режим доступа: <http://www.harvardkennedyschoolreview.com/the-chinese-language-as-a-soft-power-tool/>

Nye, J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 192 p.

Nye, J.S. (2006) *Flexible power. How to succeed in world politics*, Per. with English. M., FSPI Trends, 221 p. (in Russian).

Nye, J. (2006) Smart Power. In search of the balance between hard and soft power // *Democracy Journal*, Fall, pp. 105

Nye, J.S. (2014) *The Future of Power*, Moscow, AST, 448 p. (in Russian).

Nye, J.S. (2013) What China and Russia Don't Get about Soft Power. Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power?page=0,1

Ozhegov, S.I. (1990) *Dictionary of the Russian language*, Ed. N.Yu. Shvedovoi, M., Russian language, 917 p. (in Russian).

Phillips, L.J., Jorgensen M.V. *Discourse analysis. Theory and method. Trans. with English*, Kharkov, Publishing house of the Humanitarian Center, 336 p. (in Russian).

Pike, K. (1992) American intonation: paradigmatics and syntagmatics // *Questions of linguistics*, № 1, pp. 8-24 (in Russian).

Pocheptsov, G.G. (2015) *Information wars. A new policy tool*, M., LLC "TD Algorithm", 300 p. (in Russian).

Ponomareva, E. (2015) *Iron grip of "soft power"* [Electronic resource] // However. Access mode: <http://www.trueinform.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=12071> (in Russian).

Putin, V.V. (2012) Russia and the Changing World // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 5719 (45) (in Russian).

Reingold, G. (2006) *The Clever Crowd, Trans. with English*. M., FAIR PRESS, 416 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, Moscow, The Academy of Sciences of the USSR, 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) *Grammar of business conversations*, Tver, Surname, 240 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics: A Functional Approach*, Moscow-Tver, IJA, RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2004) Suggestive model of speech communication: Manipulation or play with meanings? // *Homo mendax: A man is a liar. Interuniversity. Sat. scientific. works*. Otv. Ed. prof. A.A. Romanov. M. Tver: IHA of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, pp. 3–26 (in Russian).

Romanov, A.A. (2011) Memesis of Performative Knowledge on the Functioning of Natural Language Practices // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2 (23). pp. 1-14. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) The Window of Discourse as a Regulatory Mechanism for the Distribution and Introduction of Viral Information: Two Approaches to the Problem. *World of linguistics and communication: electronic*

scientific journal. № 4. P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2016a) Beneficial Meanings in the Informative Media Sphere // Intercultural Communication: Theory and Practice. Sat. scientific. works of the 16th International Scientific and Practical. Conf. "Linguistic and Culturological Traditions and Innovations", Tomsk: Tomsk Polytechnic Publishing House. University, pp. 221–227 (in Russian).

Romanov, A.A. (2017) The role of digital communication in the media space of the information society // World of linguistics and communication: electronic scientific journal No. 1 (47). P. 1–20. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A. (2017a) "The window of discourse" as a technology for changing the notion of reality // *Language discourse in social practice: materials of the International. scientific and practical work*. Conf. Tver, Tver. state. Univ., S. 205–214 (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, E.G. (1997) *Office Manager: Managerial Competence, Culture and Image*, Tver: GERS Publishing House, Tver State Agricultural Academy, 145 p. (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2015a) A Memetic Mechanism for Designing the Media Meanings of the Information Confrontation // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. P. 1–16. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2017) Consistent Discourse and Counter-Discourse in the Information Opposition // *Discourse and Media Criticism of the Media: Sat. sci. works (based on the materials of the international scientific and practical conference, NUU "BelGU", October 4-7, 2017)* / ed. A.V. Polonsky, etc.

Belgorod: Publishing house "Belgorod" of the National University of BelSU, P. 134-144 (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2017a) The vector orientation of the reformatting immersion in the discursive space of information attacks // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–32. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2017b) The functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article One: The "window" of discourse as a complex technology of information spin-doctoring influence. *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 3 (49). P. 1–39. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2018) Presentation act of Selfie in the communicative space of social networks // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 1 (51). P. 1–39. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA, Morozova, ON (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA, Morozova, ON (2017) The functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 2: On the role and significance of mental representations in the consecutive type of information impact of the material injections "Panagateit" // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4 (50). P. 1-55. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, EG, Voevodkin, N.Yu. (2000) *A proper name in linguistics: The language of power and the power of language*, M., Liliya LTD, 112 p. (in Russian).

Romanov, AA, Khodyrev, AA (1998) *Managerial image management*. Tver: Tver State Agricultural Academy; Gers Publishing House, 244 p. (in Russian).

Romanov AA, Khodyrev AA (2001) *Management rhetoric*, M., Lilia; Tver State Agricultural Academy, 216 p. (in Russian).

Romanov, AA, Cherepanov, I.Yu. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*. Tver: Tver State Agricultural Academy; Gers Publishing House, 205 pp. (in Russian).

Romanov, AA, Cherepanova, I.Yu., Khodyrev, AA, (1997) *Secrets of advertising*. Tver, Tver State Agricultural Academy, Gers Publishing House, 290 p. (in Russian).

Romanova, L.A. (2009) *Structural and Semantic Aspects of Composite Performatives in the Functional Paradigm of Language*, Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, 180 s. (in Russian).

Saint-Exupery, A. (1978) *The Little Prince*. Trans. with fr. N. Gal. Barnaul: Alt. book. publishing house, 80 s. (in Russian) Schutz, A. (2003) *The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology*, Per. with English. M., Institute of the Foundation "Public Opinion", 336 p. (in Russian).

Seliverstova, OA (2017) *Language policy as an instrument for implementing the "soft power" in the political discourse of the twenty-first century (on the basis of Russian, American and Chinese media)*. Diss. ... cand. philol. n. Veliky Novgorod: Novgorod State University. un-t them. Ya Wise, 221 with. (in Russian).

Shkuratova, I.P. (2009) *Self-identification in communication*, Rostov-on-Don: Publishing house of the South Federal University, 192 p. (in Russian).

Torkunov, A.V. (2012) *Education as a "soft power" in Russia's foreign policy* // Bulletin of MGIMO-University, No. 4, P. 85–93. (in Russian).

Yudin, N.V. (2015) *Systemic reading of the phenomenon of soft power* // *International processes*, Vol. 13, No. 2, pp. 96–105 (in Russian).

Van Dyck, T. (2013) *Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication, Trans. with English*. M., Book House "LIBROKOM", 344 p. (in Russian).

Van Dyke, T. (2013a) On trends in discursive suppression, European nationalism and a humanitarian nuclear bomb. Interview // Mass-media and mass communications: The status of scientific and educational disciplines. *The first international scientific colloquium*, Belgorod, IPC "POLYTERRA", pp. 8–12 (in Russian).

Yakoba, IA, Timofeev SS (2016) Linguocognitive mechanisms of intelligent discourse tuning: sense-logical modeling // *Siberian Philological Journal*, No. 1, pp. 126-136 (in Russian).

Yarmak, Yu.V. (2014) "Soft power" in the communicative space of public administration: the history of the matter // *Discourse-Pi*, T. 11, No. 4, pp. 69–75 (in Russian).

Zevelev, IA, Troitsky, MA (2007) The Semiotics of US-Russian Relations // *World Economy and International Relations*, No. 1, pp. 3–17 (in Russian).

Zevelev, IA, Troitsky, MA (2006) Strength and influence in US-Russian relations: semiotic analysis. *Essays on the current policy*. Moscow, Scientific and Educational Forum on International Relations, Vol. 2, 72 sec. (in Russian).